

Зоя Дякина
48 недель

Что я могу изменить, направляемый собственной тенью,
Давным-давно предупрежденный о том, что, начиная обратный отсчёт,
Любой имеющий в доме ружьё приравнивается к Курту Кобейну,
Любой умеющий читать между строк обречён иметь в доме ружьё.
«Сплин»

Если в этой стране путь к свободе лежит
через тюрьмы, то мы, конечно, готовы его
пройти.

Из последнего слова Алексея
Гаскарова на суде по «делу четырёх»

Соратникам-антифашистам посвящается

Сцена может быть оформлена как угодно. Лучшее всего – никак. Только небольшие детали, характерные для места действия, вроде молоточка судьи в зале суда или наручников в кабинете следователя.

Наши дни. Провинциальный город, взбаламученный громким уголовным делом.

Уголовное дело №***
Лист №1 дела №***
Показания.

Артём Нет, я не помню, который был час. Я же шёл со своей девушкой, что тут непонятного. Мы у друзей засиделись, потом сообразили, что стемнело давно. А маршрутки не ходят уже, вот мы и пошли пешком чуть ли не через весь город.

Наташа ...Так зачем такси, если лето? Август, тепло, последней зеленью пахнет... Это в протокол можете не заносить.

Артём ...Мы как раз через мост перешли. На мосту-то фонари горят, а дальше – слепая зона, и до самого сквера Героев. Я даже споткнулся, когда мы на свет выходили. От неожиданности.

Наташа ...На углу сквера свет очень яркий. А до него абсолютная темнота. От самого моста ни одного фонаря. Так что в сквер заходишь – и слепнешь. В прямом смысле. Тёма даже споткнулся...

Потерпевший ...Эти козлы нас издалека увидели и от самого моста пёхали специально к нам.

Наташа ...Да не виден сквер от моста! Сами в потёмках туда наведаетесь, если не верите.

Артём ...Говорю вам, один я был. Больно нужны мне помощники, чтобы любимую девушку домой проводить...

Потерпевший ...А мы пёхом топали с матча. Да вы чё, в тот вечер наш «Кондор» такой матч провёл – атас. Чё? Выпивка? Ну, по пивку захренашили с корешами. За такой

праздник и побольше не грех, да денег не было. И на такси тож не было, вот и пошлёпали мы с матча все вместе, а по пути блатнячки отваливали. Это те, которые поближе к центру живут. Нам, короче, через мост – и дальше. А мы устали. Отдохнуть присели у Вечного огня, а тут эти падлы и налетели...

Артём ...Я сразу даже глазам своим не поверил. Нет, я знал, конечно, что эта сволочь у нас разгулялась...

Наташа ...Что значит «выбирайте выражения»?

Артём ...Какие такие выражения, если это фашня? Я как увидел, что они возле Вечного огня зигуют, у меня в глазах помутилось. Не может быть, думаю, ведь даже у тварей должно быть что-то святое. Глаза закрыл, открыл, головой встряхнул. А тут их главный орёт: «Зиг хайль!» - и они за ним. Присматриваюсь – а у него и свастика на майке. Наташка меня в сторону отвести попыталась...

Наташа ...Я Тёму за руку взяла покрепче и говорю: «Давай на другую сторону перейдём, их пятеро, они нас спокойно не пропустят». Но они нас сами заметили.

Артём ...Только эти нас всё равно уже заметили. Их главный орёт: «Шавки гуляют!» Шавками фашня антифашистов называет. И дальше этот продолжает, что сейчас, мол, они меня полечат как следует, а девку национализируют. Это они про Наташу так. А я этих тварей хорошо знаю. Им что парня, что девушку избить – раз плюнуть. Тем более, покрывают их хорошо. Как где? Да вот хотя бы здесь. А что? Пусть они думают, что говорить, а я только правду...

Наташа ...Тёма меня защищал. С нами никого не было, только я и он, а их пятеро. Один бросился было за мной, но его главный на помощь позвал. А мне Артём сказал: «Беги», - а сам там один остался, хотя у них кастеты были. У меня от сквера в полутора кварталах брат живёт со своими друзьями. Время безумное, конечно, только они все так и так ложатся очень поздно, вот я к ним и побежала. Тем более сотовый разрядился. А когда мы через десять минут с ребятами в сквер прибежали, там уже никого не было...

Артём ...Мне самое главное было – чтобы Наташа убежать успела. Ну расписали бы они меня своими кастетами – и что? Можно подумать, они в первый раз толпой на одного бросаются. Да не было у меня сообщников, говорил уже. И холодного оружия не было. Ваши ведь доблестные сотрудники меня прямо в сквере зацепили. Не было при мне ни сообщников, ни холодного оружия.

Потерпевший ...Сто пудов они нас с моста засекали. Так уверенно направлялись. Мы их даже посчитать не успели, а они уже навалились, козлы. Не знаю, чё им от нас было надо. Мы отдыхали себе спокойно, чирикали тихонечко про матч. То ли баблом они надеялись разжиться, то ли просто по пьяни налетели. Холодное оружие? У нас? Да вы чё? Кто бы нас с ним на стадион пустил?

Артём ...Что значит «не обнаружено кастетов»? Значит, эти гады их в сквере сбросили, пока ваши сотрудники меня браслетиками украшали. При чём тут друзей отмазывать? Какие ещё потерпевшие? Пятеро? Вот у потерпевших приметы и спрашивайте, а я один был. И это мне телесные повреждения не худо бы зафиксировать. Или вы боитесь, что на спине след героической дубинки одного из полицейских сыщется?

Наташа ...Если бы не какой-то мужчина... он с Тёмой в одну камеру изолятора попал... я бы и не знала, что с ним случилось. Ему только родителям разрешили позвонить, а про меня предупредить он не успел. Родители и решили меня не беспокоить. А я чуть с ума не сошла. Объясните, почему меня не пускают к жениху?

Потерпевший ...Не помню, сколько их было. Они разом налетели. Может, пять, может, десять... У меня в глазах всё плыло, мне сразу по балде впечатали. Выглядели? Да пацаны обыкновенные. Футболки чёрные. Глаза навывкате. Не помню я...

Артём ... Не признаю себя виновным.

Р. С. Дача показаний происходит, конечно, в разное время. Это не очная ставка, они ещё впереди. Поэтому в этой сцене луч прожектора выхватывает только того, кто говорит в данный момент.

Лист № 2 дела №***

Адвокат

Артём Дина Владимировна...

Горячева Дина.

Артём Дина, мне стыдно, что я оторвал вас от важных дел.

Горячева Прекратить сопли. Какие у меня дела? Раздел имущества при разводе? Сами справятся как-нибудь со своими кастрюлями. Или ты имеешь в виду спёртый телефонный провод?

Артём Ну... я... даже не знаю.

Горячева А не знаешь – молчи. Что случилось, не спрашиваю. Мне всё уже расписали. Что ж ты, герой, хамишь правоохранительным органам? Молчи, говорю. Не хамил бы – сняли бы твои телесные повреждения в течение двух суток. А сейчас поздно йодом мазать. Молчи, говорю. Свидетелей придётся искать.

Артём Ну...

Горячева Молчи. Сама знаю, что время было позднее. Но чем чёрт не шутит. Размещу объявления в газетах, по телеку и в инете. Только, может, ты сам кого видел?

Артём Не помню. Нет вроде.

Горячева «Нет вроде»... Я что-то не поняла, кого закрыть хотят: тебя или другого кого? Включай мозги. Помнишь или нет?

Артём Там на перекрёстке машина стояла. В ней музыка грохотала.

Горячева Что за машина?

Артём Я в марках не разбираюсь.

Горячева Вот тебе и современный парень.

Артём У меня других дел полно. Чёрная она была, с квадратным задом. И по всему боку огненный дракон намалёван. А пламя прямо на передний капот выдыхает. Только я не знаю, чем это может помочь.

Горячева Я тоже пока не знаю. Будем искать хозяина. У тебя жалобы какие есть?

Артём Невесту мою ко мне не пускают.

Горячева Невесту не пустят. Только близких родственников.

Артём Я просил у матери мои книги по экономике. Она сказала, что не разрешили передать.

Горячева О, это целая история. Книги с воли заключённым передавать запретили. Читать вам можно только то, что есть в библиотеке.

Артём Да что тут есть? «Война и мир» да детективы про маньяков. «Войну и мир» я уже перечитал. А детективы... это, наверное, чтобы подследственные квалификацию не потеряли.

Горячева Мы пытаемся оформить твои книги в тюремную библиотеку. Только для этого необходимо одновременное присутствие здешних коменданта, юриста и библиотекаря.

Артём Понял. Кажется, у меня от «Войны и мира» ещё эпилог не дочитан. А ещё мне бы капли мои от аллергии. Их тоже заключённым нельзя?

Горячева Завтра я их тебе принесу.

Лист №3 дела №***

Дом.

Горячева Олеся Сергеевна, я прекрасно понимаю, что книги сейчас не самое важное.

Олеся Сергеевна Тогда почему возитесь с ними так, будто нет более насущных проблем?

Горячева Ваш сын хочет продолжать готовиться к госэкзаменам. Этого недостаточно?

Олеся Сергеевна Думаете, если он подробно изучит экономику просвещённого социализма, это приблизит его к свободе?

Горячева Это его хотя бы отвлечёт. Сейчас основное развлечение Артёма – хамить следователю.

Димка Дина, скажите, я могу чем-то помочь?

Горячева Ты его друг?

Лёвка Не друг, а сокамерник. И я, кстати, тоже.

Димка Мы в изоляторе временного содержания познакомились. Сорок восемь часов вместе. Иногда достаточно, чтобы узнать человека. Особенно такого, как Тёмыч.

Лёвка И вообще, оказалось, мы все там единомышленники. В смысле, политические.

Димка Ты, что ли, политический?

Лёвка Ну, не был – так буду. А не фиг людей сажать! Правда, Дина?

Димка Так мы можем помочь?

Горячева Конечно. Искать случайных свидетелей. Поднимать шум вокруг дела. Вдруг никто не откликнется или не захочет давать показания. Тогда у нас будет хотя бы авторитет народных масс. Это сейчас немного, но всё-таки.

Димка Почему не захотят давать показания?

Лёвка Ты чё, не понимаешь? За фашнёй щас копы стоят. Опа-стёпа, был свидетель – стал обвиняемый.

Димка А ты меня не учи, ты меньше моего в камере провёл.

Олеся Сергеевна Ребята!

Димка А чё он? Думает, из соседней области на пикет приехал – значит самый крутой, да?

Лёвка А я не только сюда приехал, я там, дома, тоже в пикете стоял, только ничё же не знают пока. Вот сюда и пригрёб. Думал, мож, здесь от меня больше пользы будет.

Олеся Сергеевна Дома хоть учился бы.

Лёвка Чему? По-любому нам всем после универа дорога ясная – в продавцы или в охранники. Этому на месте научат, за фига на пары толкаться?

Олеся Сергеевна Бедные твои родители.

Лёвка Так вы с Виталь Михалычем тоже. Хотя Тёмыч, вон, даже на нарах учится.

Горячева Так. Ладно. Мои новости вроде бы все. У вас что?

Олеся Сергеевна Вот характеристики. Из института, с места прохождения практики, из домкома, общества ветеранов...

Димка Общества ветеранов?

Олеся Сергеевна Ну да. Артём же общественник. Организует концерты, встречи, юридические консультации и всё такое.

Горячева Давайте.

Олеся Сергеевна Ему могут... как вы это назвали?

Горячева Изменить меру пресечения. Теоретически да. На практике...

Олеся Сергеевна Я понимаю, это не только от вас зависит.

Горячева Прецеденты по делам антифашистов хороших перспектив не открывают.

Олеся Сергеевна Сколько времени может занять вся эта... процедура?

Горячева К сожалению, не могу вам сказать.

Лёвка Но вы ведь вели уголовные дела! Не только имущество делили.

Димка И Матвеич говорит, что вы лучший адвокат в нашем городе.

Горячева Селен Матвеич преувеличивает.

Димка Матвеич никогда не преувеличивает. А он говорил, что вы помогли одному его другу гражданство восстановить.

Горячева Восстановить гражданство – это семечки. Вы, видимо, не совсем понимаете, о чём идёт речь здесь, в этом деле.

Лёвка Так о чём? Объясните, что ли.

Горячева Это будет показательный суд. Вы в курсе, что значит показательный?

Димка Казнь на площади. Аутодафе.

Горячева Именно. Казнь на площади. Наука для тех, кого не устраивает что-то. Полицейский произвол. Легализация фашистов. Православная диктатура. Акция «Отцы России за многодетную семью». Любой из ныне принимаемых законов. Байк-парад на юбилее Сталинградской битвы. Внешняя политика государства. Да безразлично, что именно не устраивает. Хочешь бунтануть? А вот на тебе, посмотри, что бывает с теми, кто сопротивляется.

Олеся Сергеевна Значит, вы думаете, что суд...

Горячева Я с самого начала не разбрасывалась фразами о том, что у Артёма, мол, всё будет хорошо, раз над этим делом работаю я. Это неправда. У нас у всех очень многое впереди. Я обещаю одно: не будет ни одной уловки, которую я не попробую.

Лист №4 дела №***
В защиту потерпевших.

Мать одного из потерпевших Начальнику следственного отдела следственного управления следственного комитета. Мы, матери пострадавших несовершеннолетних, обращаемся к вам с просьбой. Мы осознаём, что в ведении следственного комитета находится множество дел, в том числе и первостепенной важности. Но, несмотря на это, каждая из нас, матерей, считает себя вправе заявить: уделите особое внимание ужасному происшествию, случившемуся в сквере Героев в ночь на двадцать третье августа сего года. В нас говорит не только желание найти и наказать виновных в избиении наших собственных детей. Мы произносим и пишем наши слова от лица всех русских матерей. Доколе предстоит нам бояться выпустить наших птенцов из гнезда? Мы дрожим от страха за наших сыновей и дочерей. Мы не в силах заснуть, пока они не вернуться домой. Да и как может быть иначе, если на ребят, спокойно присевших отдохнуть на скамейку у Вечного огня, нападает банда головорезов? Мы уверены, что наши слова поддержат все матери нашей огромной

страны. Услышьте же голос материнства! Не позволяйте остаться на свободе тем, кто избивает и унижает наших детей!

Кореш потерпевших

Внимание! Репост! Друзья! Вот что происходит в нашем городе. Сейчас, когда наша страна только-только начала доказывать миру своё превосходство, именно в нашем, исконно русском городе мы с горечью видим такое. Прямо под нашим носом активизируются подлые антирусские фашисты, которые называют себя движением антифа. Эти твари подвергают осмеянию всё то, что было содеяно нашим русским народом за многие тысячелетия его существования. Но сегодня мы говорим не о том, что они отрицают существование Велесовой книги или протестуют против славянского господства. Нет! Теперь они вышли из тени, и нам, для кого слово «русский» - не пустой звук, а повод для гордости, надо защищаться. Августовской ночью шавки напали на наших товарищей. К сожалению общими усилиями удалось задержать только их главаря, которого каждый из нас прекрасно знает. На этот раз наших героев застали в сквере Героев. Где нам ждать следующего нападения? Нет, друзья, мы не станем ждать. Мы предотвратим удар. Именно этого ждёт от нас возрождающаяся Русь!

Лист № 5 дела №***

Дом.

Наташа Олесья Сергеевна, вы видели Тёму?
Олесья Сергеевна Да, сегодня удалось. Передал привет. И тебе, и друзьям, и бывшим сокамерникам.
Лёвка Надо же, и про нас не забыл.
Наташа Про вас забудешь. Туда очень сложно пробраться, да?
Олесья Сергеевна Как сказать... На бумаге – обыкновенно, а на деле – сама понимаешь. Во-первых, пропускают только близких родственников, но в очередь встают все собутыльники всех, кто содержится под стражей. Каждому из них юрист должен объяснить, почему его не пускают. На это, конечно же, уходит время. А поскольку тем, кому посещения разрешены, пропуск выписывает всё тот же юрист... Словом, становится в очередь нужно ещё затемно. Тогда будет хоть какая-то гарантия успеть до обеденного перерыва. Потому что после него в СИЗО уже не до свиданий. Приводят тех, кого утром забирали на слушание.
Наташа Как он?
Олесья Сергеевна Улыбается. Бодрится. Пытается показать, что ничего страшного не произошло, а он такой же, как и был.
Наташа А на самом деле?
Олесья Сергеевна Не знаю, Ната. Что можно успеть за двадцать минут? Я бы всё это время просто смотрела на него, а надо и лекарства отдать, и футболки забрать... Да и не говорит он ничего, только спрашивает. Про меня, про тебя, про папу... А про своё дело – ни слова.
Наташа Меня вызывали показания давать. Похоже, они не верят, что мы были только вдвоём.
Лёвка Ага, не верят.
Димка Им так выгодно.
Лёвка За групповое нападение Тёмыча можно получше закрыть. На подольше. А он ведь у вас лидер, так?

Олеся Сергеевна А на объявления ни один человек так и не откликнулся.

Димка Ну, а тогда, может, мы с Лёвкой сами, а?

Наташа Что сами?

Димка Свидетельские показания дадим. Мы же всё знаем, как было. Позвоним следаку, скажем, что вот, объяву прочитали. Нас аж сразу два свидетеля.

Лёвка А что? Правда. Уж раз им твоего, Наташа, слова не хватает...

Олеся Сергеевна Мальчики, да вы с ума посходили.

Димка Это почему?

Наташа Да потому. Во-первых, в это время вы находились в других местах. Ты, например, в драке участвовал. В другой, правда.

Лёвка Да и хрен с ним, с участником. Я же остаюсь. Меня до камеры с утра доставили. А ночью где хотел, там и гулял.

Олеся Сергеевна А во-вторых, одним сообщником у Артёма сразу станет больше. Сам же говоришь: опа-стёпа, был свидетель – стал обвиняемый.

Лёвка Ну и говорю. Так то про других. А меня никто не опознает.

Наташа Молчи уж, свидетель.

Лёвка Ох, избаловал тебя Тёмыч. Только и знаешь, что мужиков затыкать.

Димка погоди ты, мужик. Нам-то, может, и не поверят. Нас-то, может, и в обвиняемые запишут. Вот только тачка та, про которую Тёмка рассказывал, уж больно крута. И хозяин у такого джипаря должен быть серьёзный.

Лёвка Точно. На крутого менты зас... застремаются дело заводить.

Наташа Вот только не горит он желанием проверить, сильно ли менты его испугаются.

Лёвка А мы его, красавца, сами найдём. Прямо с утра выйдем и весь город прочешем.

Димка Немного у нас в городе джипов с огненными драконами на боках.

Лист № 6 дела №***
Мера пресечения.

Судья Заседание по мере пресечения для задержанного Шварца Артёма Витальевича, подозреваемого в нанесении телесных повреждений в составе организованной группы лиц. Проверим состав заседания. Следователь?

Следователь Я.

Судья Адвокат?

Горячева Я.

Судья По техническим причинам оказалось невозможным доставить в зал обвиняемого.

Горячева Протестую. Подозреваемого.

Судья Протест принят. Подозреваемого Шварца. В настоящий момент он находится на видеосвязи из следственного изолятора. Шварц может видеть, слышать нас и участвовать в заседании. Артём Витальевич, вам слышно происходящее в зале?

Голос Артёма Очень плохо.

Судья Тогда перейдём к делу. Защита ходатайствовала об изменении меры пресечения на подписку о невыезде. Предоставляю слово адвокату подозреваемого Горячевой Дине Владимировне.

Горячева Мой подзащитный Артём Шварц имеет блестящие характеристики с мест работы, учёбы, прохождения практики, многих благотворительных и общественных организаций, активным членом которых является. В предложенной вам папке содержатся также положительные отзывы соседей, однокурсников и знакомых Артёма. В них мой подзащитный характеризуется как ответственный, серьёзный человек, всегда верный своему слову, не склонный ко лжи и агрессии. Здесь же, и это хочется особенно подчеркнуть, официальное приглашение Артёма Шварца к участию в международной конференции, посвящённой этапному развитию и становлению экономики. Конференция состоится через полтора месяца на базе университета, в котором учится мой подзащитный. Принимая во внимание положительные характеристики, учёбу на последнем курсе университета, приглашение к участию в международной конференции, а также сложное семейное положение – болезнь отца, – я апеллирую к суду с просьбой изменить меру пресечения подозреваемому Шварцу Артёму Витальевичу с содержания под стражей на подпisku о невыезде.

Судья Слово предоставляется следствию.

Следователь Я выражаю настоятельный протест против изменения меры пресечения. Следствием достоверно установлено, что подозреваемый является одним из лидеров организованной группы, находящейся под особым наблюдением центра по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Горячева Разрешите вопрос.

Судья Разрешаю.

Горячева Какую организованную группу вы имеете в виду?

Следователь Так называемый МАФК/Р.

Горячева Насколько мне известно, эта аббревиатура расшифровывается как Молодёжный Антифашистский Комитет России. Чем так страшен антифашизм, раз находится под особым наблюдением центра «Э»?

Следователь Да хотя бы тем, что в нашей стране нет фашизма. С кем или, по вашему, с чем борются эти антифашисты? Им не с чем бороться, поэтому свои силы они пускают на провоцирование драк, хулиганство, несанкционированные митинги и прочие нарушения российского законодательства.

Горячева У меня иная информация. На начало текущего года на территории Российской Федерации официально действуют пятьдесят три организации националистического и фашистского толка. Их принято подразделять на умеренные, радикальные и запрещённые. Интересная классификация фашистских организаций, не находите? К слову, запрещено только восемь из пятидесяти трёх. Одна из этих запрещённых пару недель назад листовки распространяла на проспекте Победы. Со свастиками. Никому и в голову не пришло их задержать.

Следователь Протестую.

Судья Протест принят. Это подробности, не относящиеся к делу.

Горячева Очень даже относящиеся. Следствие утверждает, что фашистам в нашей стране не с чем бороться. Я утверждаю, что есть. Вот в этой папке список российских профашистских организаций. На следующих четырнадцати листах – списки жителей нашего города, состоящих в них. Далее – образцы листовок, фотографии граффити и плакатов, а также распечатки постов в социальных сетях.

Следователь Протестую!

Горячева Вы утверждаете, что в нашем городе нет фашизма? Так перейдите дорогу и посмотрите на дом напротив! Кто нарисовал полутораметровую свастику на

уровне третьего этажа? Кто вычеркнул еврейские и кавказские фамилии с братского захоронения? Кто таскает по нашему городу вот эту дрянь?

Судья Дина Владимировна, не так эмоционально.

Следователь Кто? А я вам отвечу. Такие, как ваш подзащитный. Лодыри, которые в жизни ничего не сделали, а сливки уже снимают. Вы помните, как сами сдавали экзамены? Волновались, наверное, а? А как на красный диплом шли? Чтобы ни одной четверочки, а то ведь ни в аспирантуру, ни в помощники адвоката...

Судья Подробности, не относящиеся к делу!

Следователь И то верно. Я коротенечко. Вы, Дина Владимировна, делом были заняты, жизнь завоёвывали. А также право чужими жизнями распоряжаться и других учить. А такие, как ваш подзащитный, всё от мамы с папой получили и по ЕГЭ. Вот и ищут, чем выделиться. А свои софизмы, Дина Владимировна, для гражданских дел берегите. Там они нужнее.

Горячева Я бы рада поберечь. И софизмы, и нервы. И даже аргументы. Вот только фамилии ваших потерпевших, все пять, вот в этом списке. На страницах номер три, восемь, девять и четырнадцать. И несколько фотографий интересного содержания, опубликованных в соцсетях. Недвусмысленные, я бы сказала, фотографии.

Судья Речь не о том, кто где предпочитает фотографироваться, а о мере пресечения для конкретного подозреваемого.

Горячева Ваша честь...

Судья Вашу речь мы уже выслушали, Дина Владимировна. Слово следствию.

Следователь Подозреваемый, возможно, является неуравновешенной личностью, что подтверждается его участием в массовой драке рядом со стадионом примерно два года назад. В тот раз никто из участников драки не пострадал, и Шварц отделался административным штрафом. Далее. Подозреваемый является личностью антисоциальной. Об этом говорит, к примеру, то, что около года назад Шварц Артём Витальевич был задержан возле здания областной администрации с плакатом, порочащим действия государственной власти.

Горячева Кто вам сказал, что выражение протеста – это признак антисоциального поведения?

Судья Дина Владимировна! Первое предупреждение.

Следователь Наконец, учитывая то, что подозреваемый Артём Шварц является активно действующим членом и, возможно, организатором сомнительной группировки, следствие предполагает, что его, скажем мягко, приятели по сообществу приложат все усилия для того, чтобы их друг и предводитель остался на свободе. Следствие полагает, что подозреваемого могут вывезти за рубеж. Тем более, у Шварца, как стало мне известно, есть израильское гражданство.

Горячева Протестую! Меня и моего подзащитного сейчас обвиняют в планировании побега. Гражданство Шварца – его личное дело и обсуждению здесь не подлежит.

Судья Протест принят. Суд выносит решение по изменению меры пресечения для подозреваемого Шварца Артёма Витальевича. Суд постановил ввиду особых обстоятельств меру пресечения в форме ареста и содержания под стражей оставить без изменений. Артём Витальевич, вам понятно решение суда?

Голос Артёма Более чем. В дополнительных ласках не нуждаюсь.

Р. С. Половая принадлежность судьи и следователя малозначима.

Лист № 7 дела №***

Камера

Горячева Извини. Учю тебя бережно давать показания следователю, а сама вон как всё испортила.

Артём Да ничего подобного. Это сразу было ясно, что никуда меня не отпустят. Я только одного не понял. Насчёт комитета и центра «Э». Куда следак гнул?

Горячева На статью двести восемьдесят вторую, пункт первый. Часть первая или вторая, в зависимости от того, пропишут тебя просто участником или организатором экстремистского сообщества.

Артём Вот это да! Я в восторге. И что, выходит, мне за это положено?

Горячева Сейчас по кодексу участие до двух лет, организация – до четырёх. Правда, ожидаются скорые перемены в большую сторону.

Артём А статейка-то из какого раздела? Из того самого? «Преступления против государственной власти»?

Горячева Да, того самого.

Артём Вот такие помидоры. Говорят, мол, государство, победившее фашизм.

Горячева Страна.

Артём Что?

Горячева Говорят: страна, победившая фашизм.

Артём Мало ли. Победившая... Государство, приютившее фашизм. Посеявшее. Поливавшее. Всходы удобрявшее. Свастики рисуют, говорите? Листовки распространяют? Не арестовывают никого? Да менты в столицах их демонстрации охраняют! За границу я бежать собираюсь, надо же. Израильское гражданство! Да мне-то самому оно нужно, как рыбе зонтик. Просто отца на лечение возить...

Горячева Артём, оно действительно может тебе пригодиться.

Артём А ведь верно. На глазах пригождается, можно сказать. Город как, уже кипит возмущением по поводу сионистского заговора против поднимающей голову Руси? Я уже объявлен начальником отряда еврейских ниндзя – террористов, заброшенных в самое сердце и прочие органы?

Горячева Артём, прекрати истерику. Я предлагаю тебе отправить письмо в посольство с разъяснением ситуации. Там всё примут во внимание. Тебя могут счесть преследуемым политически, у меня есть аудиозапись всего заседания. Тогда посольство потребует выдать им неправомерно задержанного гражданина...

Артём И я помчусь за бугор прятаться, так? Ну и мнение же у вас обо мне. Или вы о нас обо всех так думаете?

Горячева Я ни о ком так не думала. Я матери твоей пообещала, что не будет двери, в которую я не попробовала бы вломиться. И отцу. И Наташе твоей. То же самое. Ясно тебе?

Артём Ясно.

Горячева Ты о них подумал, декабрист фигов?

Артём Как раз о них я и подумал.

Горячева Ну и?

Артём Ну и не смогу я им в глаза смотреть, если сдамся. Если вину признаю. Если за кордон свалю. Мне тогда глаза себе выколоть придётся. Не завязать, нет. Потому что сквозь повязку можно рассмотреть любимый силуэт. А предатель этого не достоин.

Горячева Какое же это предательство?

Артём Для других – нет. А для меня – предательство. Я так живу. И продолжать жить хочу так же. Или это тоже не аргумент?

Лист № 8 дела №***

Свидетель.

Лёвка Ага, и ты притащился?

Димка Ещё бы. Ты-то сам тоже небось на свидетеля позырить пришёл?

Лёвка И что дальше?

Димка Ничего. Не вздумай свидетеля своим «опа-стёпа» пугать.

Лёвка Да пошёл ты. Свидетеля как, Горячева притащит?

Димка Да вон они уже. Заткнись и созерцай.

Лёвка Ну и кто из них свидетель? Мелкий пацан или крупная тётка?

Афанасьна Горячева Дина Владимировна здесь? Нам у неё назначено.

Горячева Это я. А вы, вероятно, Ольга Афанасьевна с Семёном?

Афанасьна Она самая. Сенечка мой – мальчик наблюдательный и благородный. Сама бы я к вам на другой конец города не потащилась. Он настоял.

Горячева Но свидетелем происшествия был, как я понимаю, Семён?

Афанасьна Всё верно. Но Сенечке тринадцать, и он хороший, послушный мальчик. Без моего совета он решений не принимает.

Семён Ну мам...

Афанасьна Не возражай, сыночек, не порти впечатление.

Лёвка Офигенный свидетель.

Димка Какой есть.

Наташа Не мешайте, а?

Горячева Семён, расскажи мне, пожалуйста, что ты видел в сквере Героев в ночь на двадцать третье августа?

Афанасьна Ночью? Сенечка не гуляет по ночам. Дорогой, ты же что-то про вечер говорил.

Семён Было ещё не так поздно, чтобы сказать, что это ночь. Но уже стемнело. В конце концов, было лето, каникулы, а летом мы обычно подолгу тренируемся...

Афанасьна Сенечка занимается шахматами.

Семён Ну мам...

Горячева Ольга Афанасьевна, не отвлекайте, пожалуйста, Семёна.

Афанасьна Я не отвлекаю. Я проясняю вам детали.

Семён Мы в тот вечер не на базе играли, а у одного друга. Он живёт как раз поблизости от сквера Героев.

Афанасьна У кого из твоих друзей?

Семён Мам, это не имеет значения. Свидетель я, а не он.
Афанасьна Это имеет значение, раз мать спрашивает.
Семён Ну ладно. У Валета мы играли. То есть у Сергея Васильевича. Адрес нужен?
Горячева Позже.
Семён В общем, последняя партия затянулась. Я было думал, выиграл, а валет слона защищать не стал, а вместо этого – хлоп! – пешку в ферзи. Тут и закрутилось. У парней ажиотаж. Мы головы ломаем. Но партия всё равно ничем не кончилась. Свёл её Валет к пату.
Горячева В котором примерно часу вы закончили играть?
Семён Я точно не помню. По-моему, около двенадцати.
Афанасьна Семён!
Семён Ну мам...
Афанасьна Так я и думала, что отказываться надо от этой поездки. Только я за порог – а ты уже за полночь домой возвращаешься. Это всё твой валет. Не пойдёшь больше к нему.
Горячева Ольга Афанасьевна!
Семён Как только закончили, сразу вышли. Ну, и я домой направился. Мне ведь недалеко, мы на Чапаева живём.
Горячева А вот теперь и адрес Валета пригодится.
Семён Переулок Маркса, восемнадцать. Квартира шесть.
Горячева Расскажи, по какому маршруту ты шёл домой?
Семён Ну, через сквер...
Димка Темнит, вам не кажется?
Лёвка Ещё как темнит.
Наташа Потихе, ребят, вас услышат.
Афанасьна Через какой ещё сквер с переулка Маркса? Там же крюк.
Семён Напрямки идти было темно. Там кто-то все фонари поколотил. Тогда я свернул к южной стороне сквера. Не к той, которая с моста, там тоже темнотища, а к той, которая за спиной у памятника героям.
Горячева Хорошо. Дальше?
Семён А дальше я услышал шум и повернулся в сторону сквера. Там какой-то парень крикнул: «Наташа, беги!» - а потом на него толпа бритоголовых навалилась.
Горячева Парень был один?
Семён Ну да. Он и девушка его. Она ещё в мою сторону побежала, а потом повернула куда-то.
Горячева А бритоголовые?
Семён Их было пять рыл, я точно помню. Ещё подумал: жалко, что я карапет такой безрукий, а то бы помог парню.
Афанасьна Семён!
Семён А чё?
Лёвка Недоговаривает он чё-то.
Димка Факт.
Наташа Вас сколько раз просить заткнуться?
Лёвка Да мы ваще можем с тобой не разговаривать. Скажи, Димон?
Димка Не гони.

Лёвка Пошёл ты.

Афанасьна А я говорю: не мог ты с такого расстояния все подробности рассмотреть. Ты, наверное, в газете всё прочитал или в интернете своём, и тебе парня жалко стало, да?

Семён Да при чём тут жалко? Я правду говорю. Всё как видел.

Горячева Но действительно, Сенья, как ты мог всё так подробно рассмотреть? Расстояние-то большое, да и памятник заслоняет...

Семён Блин.

Афанасьна Я так и думала.

Горячева Семён, не нужно давать ложных показаний. Следователь задаст тебе те же самые вопросы. Ещё и побольше. Мало того, что делу не поможешь, так ещё и ярлык лжеца прилепят.

Афанасьна А ответственность за дачу ложных показаний? Это ужасно. Мой сын – и вдруг уголовник.

Горячева Да не уголовник. До четырнадцати лет его вообще ни по одной статье привлечь нельзя.

Семён Ну ладно, я правду скажу. Не были мы у Валета. Мы в спортбаре «Футбик» спартаковский матч по экрану смотрели.

Афанасьна В спортбаре? Мой сын – алкоголик!

Семён Какой ещё алкоголик? Там ничего, кроме пива, не продают, и то по паспорту. Тархун мы пили. Чипсы жрали. И я сам знаю, что они вредные, не надо меня учить. И курить там тоже нельзя, так что всё в порядке. Вот. Матч закончился в десять минут первого, мы чипсы доели и пошли по домам. А от «Футбика» мне как раз через сквер на Добролюбова. Так что проходил я шагах в двадцати. И всё видел. Так и следователю скажу.

Горячева Вот видите, Ольга Афанасьевна, никаких ложных показаний.

Афанасьна Зато масса открытий. Оказывается, мой сын толкается по спортбарам, смотрит там футбол, ест чипсы и возвращается по тёмным улицам в первом часу. И это ему четырнадцати нет. А что будет, когда он вырастет, а?

Горячева Ольга Афанасьевна, вам нужно будет подписать одну бумагу.

Афанасьна Какую еще бумагу?

Горячева Разрешение на официальный допрос вашего сына следователем и судом.

Афанасьна Так. А без разрешения, значит...

Горячева Нет, малолетних в качестве свидетелей суд не может допросить без родительского разрешения.

Афанасьна Да? Отлично. Никакого разрешения я не подпишу!

Семён Мама!

Афанасьна Что мама? Сказала: не подпишу!

Семён Тогда я сам приду! Когда мне четырнадцать исполнится. Тогда можно будет?

Афанасьна Не пойдешь!

Семён Это почему еще?

Афанасьна А потому что я так сказала, понял?

Горячева Ольга Афанасьевна, речь идет о молодом человеке. У него есть мама, больной отец, любимая девушка...

Афанасьна Он наверняка такой же хулиган, как и те, с кем подрался. А мой сын не будет в этом участвовать.

Наташа Ольга Афанасьевна...

Афанасьна И вы тоже, девушка, на жалость не давите. Не будет мой сын в суде выступать.

Семён Мама, тебе же самой потом стыдно будет.

Афанасьна Не будет. А если даже и будет – перетерплю. Но пока я жива, ты у меня в грязи валяться не будешь. Усвоил? Пошли.

Лёвка Вот тете и свидетель.

Димка Да пошел ты.

Наташа Оба вы...

Димка Ну чё ты, Натах...

Лёвка Мы же с Димоном каждый день город прочесываем. Найдем мы ту тачку.

Димка Из-под земли достанем. Вместе с водилой.

Лист №9 дела № ***

Интервью

Виталий Михайлович Я всегда знал, что мы можем гордиться нашим сыном. Когда он получил грант на стажировку в Швеции и провел там восемь месяцев. Когда его статьи публиковали в научных журналах. Когда за ним стайками носились школьники, дети наших соседей. Когда из общества ветеранов благодарности приходили. А когда у нас под городом хотели поставить крематорий для пластиковых бутылок, Артем воевал на двух фронтах. Он и в пикетах стоял, и составлял смету об экономической неэффективности проекта. Смета, увы, сыграла большую роль, чем пикеты. Почему увы? Артем так сказал, когда проект свернули. А сейчас... сейчас я осознаю в очередной раз, что мой сын давным-давно перестал быть мальчишкой. Он и меня-то перерос. Он стал мужчиной. А в нашей стране это опасная редкость. И поэтому я горжусь своим сыном еще больше. Не потому, что у него хватает сил и сноровки, чтобы защитить свою девушку, а потому, что он не боится быть мужчиной здесь. Здесь. Понимаете?

Наташа Я уже много раз говорила, как все было на самом деле. И в кабинете следователя, и в газетах, которые этим заинтересовались. Сейчас многие атакуют именно меня, потому что Тема не любит прессы, а ход судебного следствия не очень-то интересен простым людям. Я на самом деле тоже не люблю все эти интервью, но, раз Тема там, значит, здесь мне выкладываться за нас двоих. Когда мы с ним познакомились на митинге... «За свободные выборы», а что? Как раз после думских, в 2011-м году, да. Так вот, когда мы познакомились, я подумала, что ни разу не встречала настолько свободного человека. Свободного ото всего. От предрассудков, от страхов. Меня это и пугало, и влекло. А он в тот же вечер сказал: «Знаешь, меня когда-нибудь закроют, так что будь к этому готова». Я растерялась и спросила: «Что?». «Моя будущая жена должна знать, за кого выходит», - сказал Тема. Мне даже в голову не пришло, что он забыл спросить мое мнение. Потому что все было правильно. А сейчас... Мы не виделись с той самой ночи, когда он крикнул мне: «Наташа, беги!» - а я успела только раз оглянуться на него. Точнее, не так. Мы видим друг друга раз в неделю, на слушаниях. Я всегда прихожу в зал заседаний. Но нам нельзя даже поздороваться. За мной крепко присматривают после того случая. Ну, это было первое слушание. Я села совсем близко, напротив скамьи подсудимых. Мы так давно не видели друг друга вовсе, что я просто сверлила Тему глазами. А потом, когда он, давая показания, назвал мое имя, не смогла сдержаться и рванула к нему со своего кресла. Мы

успели только взяться за руки. Едва я схватила его за ладонь, как меня оттащили и сделали предупреждение. После второго могут назначить административный штраф и вовсе лишить права появляться в суде. Поэтому теперь я сижу тихо. А теперь представьте: расследование дела длится восемь месяцев. Тогда, в суде, мы единственный раз за эти восемь месяцев прикоснулись друг к другу. И это ощущение со мной. Оно останется навсегда. Даже тогда, когда Тему освободят и мы будем вместе.

Приятель Артема Когда расследование только началось, мы уже поняли к чему идет дело. Наш город – не первый, в котором начали сажать антифашистов. В принципе, все понятно. Фашня – с ними же работать просто, они отлично влились в политическую ситуацию. А что? Если государство позволяет им орать: «За Русь!» и вообще всячески в этом поддерживает – значит, это их государство. Все логично. Только досадно: почему у нас опять не страна для думающих людей, а государство для скандирующих ублюдков? Вы, конечно, это вырежете, я знаю. Но главное в том, что я все равно это сказал. А Темыч... Я горжусь тем, что мы вместе собирали ребят на антифашистские митинги, что плечо к плечу рисовали плакат «За честные выборы!». А если Темыч меня услышит, так пусть знает, что плакаты у нас теперь новые. «Свободу Артему Шварцу!». Мы каждый день сюда приходим, в любую погоду. Раз в час или полтора сменяем друг друга. Если его осудят, мы стоим с плакатами до конца его срока. И не спрашивайте, не можем ли мы придумать что-нибудь поумнее. Вспомните историю. Любое сопротивление начиналось с плакатов. Так что я верю: все только начинается. И не подумайте, что я в плохом смысле.

Лист №10 дела №***.

Свидетель обвинения.

Судья На следующем заседании обвинение продолжает предъявлять свои доказательства. Слово сторонам.

Прокурор Я хотел бы заслушать и приложить к делу показания следующего свидетеля. Поскольку он опасается мести, то выступит анонимно, и со скрытым лицом. В документах, представленных суду, отражены все требуемые данные свидетеля. Разрешите начать допрос?

Судья Разрешаю.

Прокурор Свидетель, я прошу вас рассказать суду, при каких обстоятельствах произошла ваша встреча с подсудимым Артемом Шварцем?

Горячева Ваша честь, разрешите вопрос по существу?

Судья Разрешаю.

Горячева Мне хотелось бы как-то обращаться к свидетелю. Может быть господин прокурор придумает ему не только трагическую историю, но и имя?

Прокурор Протестую!

Судья Протест принят.

Свидетель Называйте меня Иваном.

Горячева Премного благодарна.

Иван Я хотел бы рассказать о событиях, которые произошли до того дня. Но, на мой взгляд, мой рассказ может пролить свет на произошедшее. Обрисовать, так сказать, мотивы действий обвиняемого.

Судья Уважаемый свидетель, переходите непосредственно к делу.

Иван Со Шварцем я впервые столкнулся около двух с половиной лет назад. В тот день мы с друзьями пришли на матч местной футбольной команды.

Горячева «Кондора»?

Иван Что?

Горячева В матче участвовала команда «Кондор»?

Иван Ну да. Только «Кондоры» в тот день проиграли. Мы со стадиона уходим, расстроенные, конечно, а прямо за воротами сталкиваемся во Шварцем и его компанией. А мои приятели его, видно, хорошо знают. Один и говорит: «Давай мирно разойдемся». А Шварц начал нас на драку провоцировать.

Горячева Каким образом?

Иван Сначала словесным. Оскорблял нас всячески. Потом физическим. Черепу по морде дал.

Горячева Вы, может быть, и текст оскорблений помните?

Иван Он нас назвал фашней и отбросами общества. А когда Череп ему ответил, что шавок слушать не будет, по челюсти ему съездил.

Прокурор Уже из этих показаний свидетеля следует, что обвиняемый морально неустойчив и эмоционально несдержан. Уже тогда, несколько лет назад, его поведение начинало угрожать повседневной безопасности...

Горячева Обвиняемый хочет высказаться.

Судья Разрешаю.

Артем Знаете, так получилось, что я хорошо помню тот вечер. Болельщиком вообще, и футбольным в особенности, никогда не был. Поэтому на стадион ни разу не приходил. А в тот день у наших ребят из джаз-рок-группы «Не-соловушка» дебют был. Они в клуб «3:0» на работу устроились. Ну, в тот самый, который на углу стадиона. Тогда я в том районе единственный раз в жизни и появился – своих поддержать. Надолго они там все равно не остались. Время для дебютантов выбирают немногочисленное. Вот и наши в девять вечера уже сложили инструменты, получили гонорар, и должны были выйти вместе с нами. В это время и футбольный матч закончился. И вот мы слышим, как какой-то ансамбль болельщиков одну свою кричалку орет. Она тогда особенно популярна была. «Души Кавказ» называется. Ну и я решил к этим крикунам подойти побеседовать.

Прокурор Ваша честь, обратите особое внимание на эту формулировку.

Артем Мирно побеседовать. Дело в том, что там много мелкотни было. Пацанов лет тринадцати. У меня обычно получается неплохо с ними поговорить, с пользой.

Прокурор Значит, вы считаете себя ловцом детских душ?

Артем Нет, конечно. Просто я умею отличать тех ребяташек, которым все равно, что кричать, лишь бы повторять за старшими.

Прокурор От кого отличать?

Артем От тех, кому культурные разговоры уже не помогут. И никого я на драку не провоцировал. У меня экзамен на следующий день. Просто попросил взрослых объяснить мелким, что они кричат и зачем. А с Черепом тогда, к сожалению, мы и впрямь были уже знакомы. Я в канун девятого мая отобрал у него пачку плакатов на стену с символикой НБП и сжег.

Прокурор Отобрали?

Артем Вообще-то, это должны были сделать правоохранительные органы. Но парочка их представителей в форме спокойно наблюдала, как восьмого мая на домах расклеиваются плакаты со свастиками.

Судья Простите, с чем?

Артем Со свастиками. Вы, может быть, не в курсе, но НБП – это Национал-большевистская партия. Запрещенная.

Судья Хорошо, продолжайте.

Артем Да продолжать-то особо нечего. С Черепом мы, действительно, сцепились. Только свидетель кое о чем умалчивает. В ответ на мою просьбу объяснить, в чем смысл его кричалки, Череп просто меня послал. Матом, разумеется. Тогда я посоветовал пацанам вместо того, чтобы таскаться за Черепом и орать фашистские лозунги, сходить к любому ветерану и послушать, что бы он по этому поводу сказал. Пообещал дать несколько номеров тем, кто заинтересуется. В ответ на это Череп поставил меня в известность, что ни ему, ни его свите не требуются советы еврейской шавки. Вот тогда он в челюсть и получил.

Прокурор Ваша честь, прошу принять во внимание...

Судья Считаю, что дальнейший разбор этого эпизода нецелесообразен. Свидетель, у вас есть что-нибудь еще? Желательно, имеющее отношение к делу.

Иван Да. Я уже упомянул, что возле стадиона мы встретили Шварца вместе с его компанией. В тот раз я видел их впервые, но позже встречал неоднократно. Например, на так называемом митинге «За честные выборы», где они пытались спровоцировать массовые беспорядки.

Горячева Ваши слова нуждаются в доказательствах. В противном случае мы с моим подзащитным напишем жалобу с сообщением о клевете.

Иван Зачем жалобу? У меня сохранились фотографии того митинга, и несколько других, на которых зафиксировано, что Шварц руководит своими сподвижниками, направляет их действия, указывает места, на которых они должны находиться. Глядя на эти снимки, несложно понять, что команда у Шварца подобранная, обученная, и находится у своего главаря в абсолютном подчинении. Я склонен предположить, что именно эти люди были с подсудимым той ночью, о которой идет речь. Что нападение было умышленное. И что не осталось бы единственным, не будь Шварц арестован.

Прокурор Как видно из слов свидетеля, подсудимый на протяжении уже нескольких лет руководил активной организованной группой. В чем же особенности действий этой группы? Свидетель, Расскажите, было ли что-то, что всегда отличало Шварца и его людей на митингах?

Иван Да, было. Они постоянно допускали антирусские выпады.

Горячева Я не понимаю, что это значит. Поясните, пожалуйста.

Иван Ну, вот, например, тот же митинг «За честные выборы». Я и мои друзья направлялись на другой митинг, который был в тот же день.

Артем На митинг в поддержку победившей партии, полагаю.

Иван Разумеется. Для нас выбор народа – это самое важное. Поэтому мы и пошли на митинг. Не в защиту победившей партии. Победителей защищать не нужно. А чтобы быть с народом.

Артем Да, разумеется. Я пила тогда с моим народом, то, что мой народ, к несчастью, пил.

Судья Подсудимый! Выношу вам первое предупреждение.

Артем Так точно.

Иван Митинг, на который направлялся я, проводился на центральной площади. Митинг «За честные выборы» - на бульваре Пролетариев. Это в буквальном смысле, в двух шагах. Я и мой знакомый вынуждены были пробираться как раз через бульвар. Там мы и увидели Шварца с группой. У них был плакат «Долой русский фашизм!».

Горячева Ну и что?

Иван Как что? Плакат обвиняет в фашизме каждого русского человека. Обратите на это внимание. Каждого!

Горячева если вы прочтете в журнале «Здоровье» лозунг «Долой русскую водку!» или «Мы против русского алкоголизма!», что скажете?

Иван Я это полностью поддерживаю.

Горячева Как же так? Ведь это же антирусский выпад во всей красе. Его авторы обвиняют каждого русского человека в алкоголизме. Вы только вдумайтесь! Каждого!

Прокурор Дина Владимировна, ваша способность передергивать карты всем известна. Не стоит лишний раз ее демонстрировать.

Горячева На данный момент я демонстрирую двойные стандарты свидетеля. Кстати, мы в любой момент можем призвать на помощь лингвистическую экспертизу, которая поможет установить, есть ли в лозунге «Долой русский фашизм!» что-либо, помимо неприятия собственно фашизма.

Судья Спасибо за напоминание. Безусловно, в случае необходимости мы прибегнем к лингвистической экспертизе. Окончен ли допрос свидетеля?

Прокурор У меня нет вопросов.

Горячева Мой последний вопрос. В какой именно профашистской организации нашего города вы состоите?

Иван Я не понимаю вас.

Прокурор Протестую! Этот вопрос оскорбляет свидетеля.

Судья Протест принят.

Горячева Других вопросов не имею.

Прокурор На основании показаний свидетеля, многочисленных фотографий, которые предоставлены суду в качестве доказательств, а также рассказов потерпевших, подтверждающих выводы свидетеля, обвинение заключает, что подсудимый Шварц является организатором активно действующего сообщества. Приведенные доказательства свидетельствуют, что деятельность сообщества подпадает под понятие экстремистской. Это подтверждает антиобщественный, антиправительственный характер сообщества. Предлагаю к статьям обвинения добавить пункт первой части первой статьи 282-й уголовного кодекса Российской Федерации – организация экстремистского сообщества. Ходатайство об этом предоставлено суду.

Судья Ходатайство получено судом. У адвоката есть какие-либо возражения?

Горячева Да. В этой папке – все мои возражения.

Судья Озвучьте их.

Горячева Конечно. Вот передо мной устав общественной организации «Молодежный антифашистский комитет России», действующий в нашей области. Устав официально зарегистрирован три года назад. Перед этим организация получила предварительное одобрение совета ветеранов нашего города, а также общественной организации «Память о Сопротивлении» французского города-побратима. Вот серия благодарностей членам организации от жителей нашего города. Причины благодарности сходны, в основном за убиение свастик с домов и уничтожение профашистских листовок и плакатов. Вот отчет по использованию денежных средств за истекший год. Здесь – покупка краски на обновление испорченных свастиками фасадов, приобретение материалов для декораций и костюмов для концерта военной песни, средства, выделенные на помощь участникам войны, нуждающимся членам организации и их семьям. Вот это – членский билет Артема Витальевича Шварца. Фотографии заседаний объединения. И копии нескольких заметок в

прессе о деятельности ребят. Вы папку-то возьмите, а то она от материалов ломится. Ваша честь, так Вы находите что-то экстремистское в деятельности Шварца?

Судья Мне необходимо проанализировать предоставленные материалы.

Горячева Думаю, сегодняшний вечер отлично для этого подойдет. Не стоит аплодисментов, я просто выполняю свою работу.

Лист №11 дела №***.

Дом.

Лёвка И все-таки это было здорово. А?

Димка Высший пилотаж.

Наташа Но ведь никакого устава не было. Откуда он мог взяться?

Горячева Как это не было? А на что тогда кодекс антифашиста?

Наташа Но ведь он только в интернете. Не мог его никто официально зарегистрировать.

Горячева Мог. Я могла.

Наташа Но как?

Горячева Задним числом, естественно. Есть у меня знакомая, она долгое время работала у нас нотариусом, а как раз тир года назад перебралась в столицу. Она же не могла отказать мне, когда я попросила ее извлечь на свет божий старую печать и добавить еще одну папку в свой рабочий шкаф.

Наташа Значит, это взятка?

Горячева Какая еще взятка? Старые связи.

Лёвка Значит, так дела и делаются?

Горячева А как иначе?

Димка А все остальные документы? Одобрения, благодарности...

Наташа Да, и отчет по финансам. Что за финансы?

Горячева Как что? Членские взносы, конечно. Как раз это было проще всего организовать. Фотографий с ваших сходок уйма, я выбрала кучку, которая могла бы сойти за официальные. Одобрения нам тоже сразу написали. Артему многие знают.

Лёвка А членский билет?

Горячева Там у всех теперь по членскому билету. В типографии бланки напечатали, теперь фото клеиваем, данные вписываем и автограф ставим. И только не спрашивайте, каких трудов мне стоило добыть автограф вашего Шварца!

Наташа Но ведь получается, что вы специально подготовились к этому свидетелю!

Горячева Понятное дело, специально. Я была уверена, что ему попробуют 282-ю добавить. С самого заседания по мере пресечения. На каждое заседание таскалась со своей папочкой. А в ней ведь поначалу и не было, считай, ничего. Очень, кстати, боялась, что прокурор раньше к этой статье перейдет. Он нам: экстремизм, а у меня не все документы еще собраны...

Наташа Спасибо вам.

Горячева Ой, да какое спасибо. Я, можно сказать, собственную шкуру спасала.

Лёвка Да ну?

Горячева

Ну да. Вы представьте: признают комитет экстремистским сообществом, а у меня, между прочим, тоже членский билет.

Лист № 12 дела № ***

Устав

§ 1. МАФК/Р (Молодежный антифашистский комитет России) объединяет людей различных политических взглядов, пристрастий, интересов, жизненных целей не противоречащих целям и задачам комитета.

§ 2. Своей основной целью МАФК/Р считает открытое выступление против: тоталитаризма, ксенофобии, дискриминации по расовому, национальному, религиозному, половому признакам на любом уровне.

МАФК/Р выступает не только против политики неонационалистических политических партий, но и против бытовой нетерпимости, которая сейчас является реальной опасностью для жителей России, их прав и свобод...

§ 3. Ограничивая права человека по его внешнему виду, фашизм пытается стянуть удавку на горле общества, держа его в строго предписанных рамках. Утверждая, что женщины морально слабее мужчин, негры глупее белых, фашисты просто выражают свой страх перед собственным творческим и моральным бессилием. Они надеются заранее поставить себя на вершину ими же самим придуманной пирамиды силы...

§ 4. Ежедневно в России от жестокости и насилия страдают и гибнут люди. Столкнуться с фашистским проявлением насилия может каждый...

МАФК/Р выступает за гуманизм, против преступлений против человечности, убийств, насилия, жестокости, оскорблений и унижения человеческого достоинства, против человеконенавистнической политики...

Мы допускаем возможность применения силы только в случаях самообороны или защиты других, причем меры самообороны должны соответствовать сложившейся ситуации.

§ 5. МАФК/Р, как активно действующая антифашистская общественная организация сфокусирован на пропагандистских, информационных и практических способах борьбы против любых авторитарных идеологий и групп, потворствующих любому виду притеснения. Основное направление борьбы – неонационализм и правый радикальный сектор...

§ 6. Мы считаем себя не только армией сопротивления, не только противниками человеконенавистнических идей, не только силой, которая препятствует фашизму достичь своей цели, но и строителями свободного мира. Мира, где общество будет с уважением относиться к любому человеку; мира, где не будет войн и насилия, не будет хозяев и рабов...

§ 7. Самое главное для антифашизма – это активное участие людей и предотвращение фашистского террора на каждой улице, в каждом доме. Поэтому помочь антифашизму можно только выйдя на улицы и сопротивляясь фашистскому террору...

§ 8. МАФК/Р открыт для любого, кто хочет к нему присоединиться, чтобы активно участвовать в борьбе с фашизмом, национализмом, большевизмом и другими видами тоталитаризма во всех их формах.

Если вы разделяете наши принципы, присоединяйтесь к МАФК/Р и начинайте борьбу за лучшее.

P.S. Устав может быть как монологом кого-либо из героев, (Артема, его друга, Наташи, даже Горячевой), так и серией небольших монологов друзей Артема. В

принципе, его могут зачитывать и судья со следователем и прокурором и даже потерпевшие, но это нежелательно, так как смещает смысловые акценты.

P.P.S. Выражаю благодарность московским и воронежским соратникам-антифа, чей «Манифест антифашиста» был положен в основу этого устава.

Лист № 13 дела № ***

Свидетель

Судья Сегодня мы заслушаем показания свидетеля защиты. Адвокат, вам слово.

Горячева В отличии от обвинения, защита в этом деле выступает с открытым лицом. Говорящему правду не к чему скрывать свое лицо. В защиту обвиняемого выступает преподаватель истории Харитонов Илья Павлович. Илья Павлович, скажите, где вы находились в ночь на 23-е августа прошлого года?

Харитонов Это был день зачисления первокурсников на наш факультет. Точнее, не самого зачисления, потому что заявления мы принимаем до первого августа, и списки уже неделю, как были вывешены. Формировался состав групп, утверждался учебный план. Потом я решил посмотреть личные дела моих будущих студентов. Работа затянулась, и опомнился я только около полуночи. Понимаю ваши сомнения, но такое до сих пор иногда бывает. Я положил папки назад в шкаф, вызвал такси и поехал домой.

Горячева Где вы проживаете?

Харитонов Улица Добролюбова, 18-44.

Горячева Каково местоположение вашего дома относительно сквера?

Харитонов Самое удобное для того, чтобы смотреть парад. Мои окна, как и дверь подъезда, выходят на памятник.

Горячева Получается, что, привезя вас домой, такси остановилось прямо напротив памятника?

Харитонов Да, именно. Когда я выходил из машины, то увидел нескольких молодых людей, которые приветствовали друг друга нацистским салютом.

Горячева Сколько их было?

Харитонов Четверо или пятеро. Я не сосчитал. Меня это зрелище... понимаете, я его в нашем городе не впервые вижу, но потрясает оно чересчур.

Горячева Понимаю вас. Что же вы увидели позже?

Харитонов На границе света и тени я увидел две фигуры. Парня и девушки. Я понял, что они не сразу заметили ту компанию, попытался покричать, но они меня не услышали. А добежать у меня не получилось бы: я тогда как раз хромал на костыле со свежезащитой связкой. Я понял, что парень отстранил девушку и видимо сказал, чтобы она убегала. А та компания разом набросилась на него. Мне показалось, что у них какие-то предметы блестят в руках, и я, как мог, поспешил в дом – разбудить соседа. Когда мы вышли из подъезда, никого уже не было, но сосед перебежал дорогу, дошел до памятника и осмотрел весь сквер. Он сказал мне, что крови нет. Это меня несколько успокоило.

Горячева Настолько успокоило, что только сейчас вы вспомнили об увиденном?

Харитонов Острый вопрос. Мне как историку стыдно в этом признаваться, но в течение года я не читаю газет и не смотрю телевизора. Не люблю следить за без конца меняющимся мнением вокруг вопроса. Я собираю подборки, которые прочитываю ра-

зом в конце июня, сразу после сессии. Так что о том, что должен был заявить о своем существовании еще в прошлом августе, узнал почти год спустя. Приношу свои извинения.

Горячева Следовательно, вы уверены, что потерпевшие вели себя агрессивно и сами напали на проходящего мимо парня?

Харитонов Я уверен в том, что никакие они не потерпевшие. Их и Артема нужно немедленно поменять местами.

Горячева Подтверждаете ли вы, что кроме парня и девушки, а также потерпевших, в сквере никого не видели?

Харитонов Да, подтверждаю.

Горячева Вы рассмотрели парня?

Харитонов Вполне достаточно для того, чтобы удостовериться что он был только с девушкой. А что касается опознания личности... Сами понимаете, расстояние. Но по общим очертаниям фигуры тот парень действительно похож на Артема Шварца.

Горячева Вы не были прежде знакомы с моими подзащитным?

Харитонов Это вы вместо прокурора выясняете, не выгораживаю ли я заведомо виновного по давнему знакомству? Нет. Артема Шварца я, к сожалению, прежде не знал. Но я о нем много слышал. Порядочные люди всегда на виду. Даже жалел иногда, что этот парень не учится на моем факультете. Надеюсь, мои показания хоть чем-то ему помогут.

Горячева Спасибо, Илья Павлович. Ваша честь, у меня все.

Судья Право для встречного допроса передается прокурору. Вам есть что спросить у свидетеля?

Прокурор Есть. Илья Павлович, скажите, а как у вас со зрением?

Харитонов Я хожу в очках из-за близорукости, но не понимаю, какое это имеет значение.

Прокурор Очень большое. Так какое у вас зрение а самом деле, Илья Павлович?

Харитонов Допустим, минус девять. И что?

Прокурор Вы были в очках тем вечером?

Харитонов Да, разумеется.

Прокурор В очках для дали?

Харитонов Нет. У меня одни очки и для дали и для работы.

Прокурор А до этого вы до полуночи просидели над бумагами, верно?

Харитонов Верно.

Прокурор У вас быстро устают глаза?

Харитонов Нет, если очки мне подходят.

Прокурор Вам подходят ваши очки?

Харитонов Разумеется, иначе я бы их не носил.

Прокурор Почему тогда вы щуритесь и присматриваетесь, когда смотрите в мою сторону?

Харитонов Очки немного меньше моего минуса, нокогда я надеваю соответствующие, то чувствую дискомфорт.

Прокурор Вы были в этих очках той ночью?

Харитонов Кажется, в этих.

Прокурор Кажется или в этих?

Харитонов В этих. Точно в этих.

Прокурор Прикиньте на глаз расстояние от вас до меня.

Харитонов Метров пять, я думаю.

Прокурор А от вашего подъезда до места происшествия?
Харитонов Что-то около сорока, мне кажется.
Прокурор Семьдесят три. Семьдесят три метра ровно. Как вы считаете, ваша честь, способен ли человек, не видящий меня на расстоянии в пять метров, достоверно описать события, происходящие за семьдесят три метра от него? К тому же находясь на теневой стороне улицы?
Горячева Протестую! Подобный тон прокурора унижает человеческое достоинство свидетеля.
Судья Протест принят. Переформулируйте.
Прокурор Хорошо. Илья Павлович, насколько вы уверены с том, что видели?
Харитонов На все сто! Я в состоянии отличить одного человека от пяти, а нападение от самозащиты.
Прокурор К сожалению, независимый эксперт так не думает. Мы взяли вашу карточку в поликлинике и обратились к специалисту. Ваша честь, вот экспертное заключение, согласно которому острота зрения свидетеля в обычно применяемых очках не превышает сорока процентов. Следовательно, после длительной зрительной нагрузки и находясь к тому же на теневой части улицы, свидетель не может адекватно оценить увиденное на расстоянии семидесяти трех шагов от него. Вот заключение, прошу приобщить его к делу.
Судья Заключение приобщено.
Горячева Ваша честь, но у нас есть заключение лечащего врача свидетеля, и он утверждает, что Илья Павлович способен оценить происходящее на таком расстоянии.
Судья Медицинская и судебная экспертизы – две разные вещи. Лечащий врач должен выписывать очки. В судебном же следствии мы склонны более доверять судебным экспертам.
Прокурор Ходатайствую о выведении из состава дела показаний свидетеля Харитонова.
Судья Ходатайство удовлетворено.
Харитонов А знаете, Дина Владимировна, происходящее здесь, мне, как историку, очень многое напоминает.

Лист № 14 дела №***

Дом

Олеся Сергеевна И что же это значит, Дина? Получается, любого нашего свидетеля постигнет та же участь?
Горячева Мне с самого начала казалось, что Артём зря отказался от суда присяжных.
Олеся Сергеевна Зря? Неужели вы думаете, что в нашем городе можно найти двенадцать вменяемых?
Горячева Даже для невменяемых Илья Павлович Харитонов – авторитетнейший человек в городе.
Олеся Сергеевна Для всех, кроме судьи?

Горячева Судья трясётся за своё место. Попробуй тут не удовлетворить ходатайство – и наш драгоценный прокурор забросает жалобами все инстанции вплоть до Верховного суда. Независимая экспертиза – серьёзная бумажка. А присяжные хотя бы запомнили.

Лёвка Прокурор бы всех жалобами забросал?

Димка Как Хогвартс, когда домахался до Гарри Поттера?

Горячева Вашему Хогвартсу, мальчики, такое и не снилось. Кстати, что это вы постоянно вокруг меня крутитесь? Общественный контроль за ходом защиты Артёма Шварца?

Димка Да не.

Лёвка Мы ж помочь хотели.

Горячева Тоже мне помощнички. Машина где?

Димка На стоянке.

Лёвка Мы её нашли, следили за ней три дня, а она ни с места. Ну, в смысле, не приходит хозяин. Тогда мы номера списали и его вычислили. Он в Москве сейчас. Говорят, на неделе должен вернуться.

Горячева Спасибо, герои. Каждому по шоколадке должна буду.

Димка Мы чё, маленькие?

Горячева Прекратить ворчание. Есть хорошая новость. Оказалось, что одна из соседок Ильи Павловича в этот вечер никак не могла уснуть. То ли жара мешала, то ли луна. Вот она и стояла на балконе. И всё, оказывается, видела. Ей, правда, уже под восемьдесят, из дома она почти не выходит, поэтому для предварительного слушания я её показания при нотариусе записала на диктофон и от руки с подписью. Но при необходимости она готова всё при прокуроре повторить.

Олеся Сергеевна Ой, да неужели?

Димка Только бы она слабовидящей не оказалась.

Лёвка Не, под копирку прокурор действовать не станет. Он скорее независимого психиатра позовет. Восемьдесят лет, мол...

Горячева Здесь это не прокатит. Я всю её историю болезни отсмотрела. Карточка у старушки образцово-показательная: печати «здорова» и результаты кардиограммы.

Димка Ну, может, хоть здесь повезёт.

Лёвка Слушайте, мне тут в голову зацепка одна пришла. Илья Павлович же эту срань увидел, как только из такси вышел, так?

Горячева Так.

Лёвка Значит, таксист...

Горячева Тоже мог видеть, пока разворачивал машину и ехал до перекрёстка.

Лёвка Ну, а я про что!

Горячева Значит, так. Илья Павлович пользуется всегда только такси «Гепард». Они, высылая машину, отправляют SMS-ку, в которой указывают время прибытия, марку и номер машины и имя таксиста.

Лёвка Вот!

Горячева Не перебивай. Илье Павловичу хорошо запомнилось имя таксиста. Нечасто встретишь человека, которого зовут Горбачёв.

Олеся Сергеевна Горбачёв? Это имя?

Горячева Илья Павлович об этом тоже спросил. Оказалось, и вправду имя. Конечно, я в такую примету сразу вцепилась. Работал в «Гепарде» некий

Максим Знаю, что вы скажете. Важнее загубленной человеческой жизни. Я сам себе этот вопрос задал, когда объявление в интернете прочёл. И все муки совести я уже прошёл. И мудаком себя называл, и слабаком, и тряпкой. Не помогло. Сохранность машины оказалась важнее.

Горячева Послушайте, Максим, но с чего вы взяли, что скинхеды непременно должны ополчиться на вашу машину?

Максим А есть другой вариант? А, ну да, конечно, есть. Не на машину, а на морду. Такой вариант меня тоже не радует. Кислая у меня, в общем, перспектива. Либо прослыть трусом, либо лишиться всего, что мне принадлежит.

Горячева Машина – это всё, что вам принадлежит?

Максим А вы меня за потомка олигарха приняли? Квартиру снимаю, машину вот – и ту запереть понадежней негде. Я же на неё сам заработал. Ночным сид-мином.

Горячева Кем-кем?

Максим Системным администратором. Понимаете, город у нас небольшой, зато программистов – хоть, простите, без масла ешь. Но я нашёл себе нишу. У многих геймеров и прочих сидельцев в «Одноклассниках» компы ломаются ночью. Раньше им приходилось ложиться спать, а утром, со свежей головой, они уже в состоянии были сравнивать цены. Но ведь никому из них не хочется закругляться. А номер моего телефона заброшен чуть ли не во все почтовые ящики города.

Димка И долго надо обслуживать геймеров, чтобы джипарь купить?

Максим На самом деле достаточно. Хотя бы потому, что у большинства вызывающих оказывается тупо выбита вилка из розетки. Так что не уговаривайте меня и не взывайте к совести.

Горячева Я вас о другом попрошу, Максим. Вы объяснили нам свою ситуацию. Я не смею ни на чём настаивать. Но вы же понимаете, нам не только свидетели нужны. Артёму важна любая поддержка.

Максим Это вы про деньги? Без проблем.

Горячева Нет, Максим, не про деньги. Про поддержку. Моральную. В зал суда практически никто не приходит. Во время заседаний все друзья Артёма пикетируют кто что: городскую администрацию, областную, суд, прокуратуру. Не удивлюсь, если и гороно с управлением культуры. А нам нужна поддержка в зале суда. Вы ведь найдёте время, Максим? Приходите, пожалуйста. Хорошо?

Максим Да... Да... Хорошо, я приду, Дина Вла... Дина... Я приду.

Горячева Спасибо. Для нас это очень важно. Мальчики, проводите Максима.

Лёвка Димон, проводи.

Лист № 17 дела №***

Лёвка.

Лёвка Это беспредел! Ты его кадрила!

Горячева Вот на суде и посмотрим, насколько важнее сохранность машины...

Лёвка Ты его кадрила! И глазами, и вообще!

Горячева И что? Отцепись, не мешай работать.
Лёвка Ты! Его! Кадрила!
Горячева Да заткнёшься ты?.. Стоп. Ты ревнуешь, что ли?
Лёвка Да, блин! Ревную. Нельзя?
Горячева А с какой, прости, радости?
Лёвка Да уж, радости в этом точно никакой.
Горячева Слушай, подросток. Давай сразу договоримся: тебе ничего не светит.
Лёвка Во-первых, посмотрим. А во-вторых, какой я тебе подросток? Я один раз второгодник, закончил два технаря и шас на четвёртом курсе.
Горячева Не на четвёртом, а должен быть на четвёртом, прогульщик.
Лёвка Ну и прогульщик. Тебе что?
Горячева Мне? Мне ничего.
Лёвка Или ты с парнем без высшего образования встречаться не будешь? Так некогда шас. Вот Тёмыча вытащим – тогда и учиться будем. Поняла?
Горячева А я-то думала, знаю, что такое брутальность.
Лёвка Не нравится?
Горячева Не очень.
Лёвка Ну тогда так. «В роднике твоих глаз и виселица, и висельник, и верёвка».
Горячева Что?
Лёвка Это Пауль Целан.
Горячева Не выпендривайся. Сам говорил, что даже «Войну и мир» не читал.
Лёвка «Войну и мир» я и не цитирую.
Горячева Да уж.
Лёвка Смешно, да? А ты знаешь, что, когда твоё окно зажигается, оно в темноте похоже на карту пик?
Горячева Чего?
Лёвка А я бы проще на пикете поторчал. Мне это ближе. Но там, на заседаниях, у тебя глаза из космической пустыни в горящие метеоры превращаются. И я лечу за ними, как по драконьему следу. По крайней мере, мне так кажется, когда я смотрю на тебя и понимаю, что сердце пропускает удар. И вообще, сердце у меня теперь порченное. Знаешь, когда казнили какого-то христианского святого, у него сердце из груди вырезали и разрубили. А там оказалось золотыми буквами высечено имя Христа. И вот я, как и он, таскаю в себе твоё имя... тебя...
Горячева Тяжело? Таскать?
Лёвка Опять смеешься?
Горячева Нет. Просто всегда боялась подумать, чью любовь тяжелее таскать: собственную или чужую.
Лёвка Только когда тащишь обе, не чувствуешь тяжести.

Лист № 18 дела №***

Дом.

Олеся Сергеевна

Наташа! Как хорошо, что ты зашла.

Виталий Михайлович Мы же и поздравить вас толком не успели.

Наташа Спасибо. Всем спасибо.

Димка Слушай, последнее заседание ведь через неделю обещают. Не обидно будет, если Тёмыча отпустят?

Наташа Вот веришь, не обидно. Нас на так называемой церемонии друг к другу не подпустили, пока до колец дело не дошло. И вот когда Тёма меня за руку взял, я сразу поняла, что всё правильно. Что у нас так и должно было быть. Я не знаю, почему.

Виталий Михайлович Потому что вы оба любите всё делать до конца. Артём физику терпеть не мог, а задачи всё равно решал сам. А ещё раньше им задали скворечник мастерить. Так он полночи просидел, но доделал. И меня не подпустил. Так и ты. Если выпало испытание, проходишь его до конца.

Олеся Сергеевна Я не представляю, как мы пережили бы это всё без тебя.

Виталий Михайлович Удивительно, как высвечивают людей такие ситуации. Сколько старых знакомых боятся смотреть в глаза, как будто сталинское время на дворе. Зато столько новых друзей появилось... Иной раз на улице человек подойдёт, руку пожмёт и пожелает держаться.

Олеся Сергеевна Да уж, в очереди в СИЗО с передачами место уступают.

Виталий Михайлович Никогда не думал, что наш сын окажется в эпицентре самого громкого дела нашей губернии. Закончилось бы это всё через неделю.

Наташа Да, заседание решающее. Надеюсь, что больше мы не вернёмся в этот кошмар.

*Лист № 19 дела №***
Заседание суда.*

Судья Продолжаем заседание. Слово адвокату.

Горячева На прошедшем заседании мною было высказано ходатайство о приобщении аудиозаписи и стенограммы показаний Петровой Ларисы Леонидовны к уголовному делу.

Судья Сожалею, но ходатайство отклоняется.

Горячева Почему?

Судья Вчера в суд поступило сообщение о смерти гражданки Петровой. Поэтому мы не можем приобщить к делу её показания.

Горячева Что? О смерти?.. Ваша честь, но вы имеете в виду полученные показания?

Судья Я имею в виду все показания. У вас всё?

Горячева У меня?.. Да... У меня всё...

Судья Итак, суд переходит к заключительной фазе – к судебным прениям. Слово государственному обвинителю.

Прокурор Спасибо. Ваша честь, на скамье подсудимых сейчас находится человек опасный. То преступление, за которое он привлечён к суду – всего лишь одно из звеньев цепи, и эту страшную цепь мы можем сегодня оборвать. То, как действует подсудимый, привлекая на свою сторону молодёжь, в руках которой будущее нашей страны, - это страшно. Двадцать третьего августа прошлого года он и его друзья нанесли телесные повреждения пятерым несовершеннолетним. Если сегодня Артём Шварц выйдет из этого зала на свободу, творимое им насилие продолжится. Все мы видим, что подсуди-

мый не выказывает ни малейшего признака раскаяния. А самое страшное – то, что при этом он прячется за громкие лозунги, за спины ветеранов, которых каким-то образом сумел обаять, за истинно человеческие, гуманистические порывы, оставшиеся в каждом из нас. Именно такие люди, как Артём Шварц, приводят страны к расколам, революциям, гражданским войнам. Хочу напомнить вам, что обвинение предоставило необходимое число показаний, свидетельствующих о виновности подсудимого. В руках представителя защиты – только показания, которые можно приравнять к балагану. При учёте, что подсудимый оказывал активное сопротивление при задержании, прошу назначить максимально высокую меру наказания по статье сто двенадцатой, часть вторая – пять лет лишения свободы. Благодарю за внимание.

Судья Слово предоставляется защите.

Горячева Государственный обвинитель сказал, что мой подзащитный опасен. Он не сказал, для кого именно, и это немудрено. С тридцатых годов прошлого века мы знаем, кому опасны люди, которым достаёт смелости, чтобы выступить против идеологии насилия, распространяющейся в том числе и на государственном уровне. Государственный обвинитель призывает лишить Артёма Шварца свободы на пять лет за то, что он вынужден был защищать себя и свою девушку от группы агрессивно настроенных профашистов. Почему мы боимся называть вещи своими именами? Почему фашистскую организацию именуют группой праворадикальных футбольных болельщиков? Почему на территории нашей страны действуют более пятидесяти фашистских организаций? Почему этим людям можно без опасений рисовать свастики на стенах в двух шагах от поста полиции? И почему человека, вычёркивающего свастику, привлекают к ответственности по статье «вандализм»? Почему судят ветерана войны, который не позволил расклеивать фашистские плакаты и при этом был вынужден применить силу? Это не пустые слова, у меня есть подборка приговоров по этим делам. Но это риторические вопросы, потому что здесь и сейчас мне на них не ответят. Но я надеюсь, что однажды никому из нас уже не придётся задавать эти вопросы. У таких людей, как мой подзащитный, сложная судьба. Знаете, есть понятие «герой своего времени». Его можно рассматривать двояко. С одной стороны, это представитель своего поколения, самый обыкновенный, тот, кого мы каждый день встречаем на улицах. Но есть и другая сторона этого понятия. Настоящее время всегда безжалостно к своим героям. Сначала оно безразлично к ним, затем пытается загрызть, придушить или проглотить. Но зато позже оно с гордостью тычет ими в лицо прошлого и будущего: смотрите, мол! И я породило героев. Пройдёт совсем немного, и практически каждый из сидящих в этом зале будет гордиться тем, что является современником Артёма Шварца. Кроме меня. Я уже горжусь... Кстати, ваша честь, я требую полного оправдания моего подзащитного по всем пунктам.

Судья Мы заслушали доводы обвинения и защиты. Теперь по традиции последнее слово предоставляется подсудимому.

Артём Здесь прозвучали слова о том, что я не раскаиваюсь. Это неправда. Я раскаиваюсь в том, что не всегда делал всё, что мог. Не всегда носил с собой баллончик с краской, которой можно вычёркивать свастики. Не всегда выскакивал из трамвая, когда видел её на заборе. Слишком многого я не сделал, и вот в этом действительно моя вина. А в своих действиях действительно не раскаиваюсь. Мне хотелось бы вернуться к вопросам, которые задала мой адвокат. Сейчас в России действительно такая ситуация, когда фашистам, да тем же самым лимоновцам, санкционируют митинги и, по сути дела, развязывают руки, разрешая всё. Но если человек появился с плакатом «Путин – вор», он немедленно оказывается виновен. По идее, я должен призвать суд к тому, чтобы политические убеждения участников не влияли на справедливость приговора, но я не

вижу в этом смысла. Скажу другое: вся моя, да и не только моя, деятельность направлена на то, чтобы каждый день хоть кто-то хоть на сколько-нибудь становился свободнее. И если в этой стране путь к свободе лежит через тюрьмы, то мы, конечно, готовы его пройти. На этом всё.

Судья

У сторон есть вопросы друг к другу?

Прокурор

Нет, ваша честь.

Горячева

Нет ваша честь.

Судья

В таком случае...

Максим

Дина Владимировна!

Горячева

Одну минуту, ваша честь!

Судья

Вы что-то хотите добавить?

Максим

Да, ваша честь. Комаров Максим Петрович. Я хочу сделать заявление.

Заявление.

Занавес.

2014-2015